

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378:316

DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-9-36

«СТАРОЕ» И «НОВОЕ» ДОВЕРИЕ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

П. А. Амбарова¹, Г. Е. Зборовский², Н. В. Шаброва³

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: ¹borges75@mail.ru; ²garoldzborovsky@gmail.com; ³urfu-stu@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Кризис современной высшей школы и процессы ее модернизации сопровождаются кризисом институционального, межобщественного и межличностного доверия, которое на протяжении очень долгого времени оставалось фундаментальной основой вузовской системы профессиональной подготовки. Необходимость сохранения доверия как источника развития российского высшего образования требует изучения его структурных характеристик и понимания его потенциала представителями образовательных общностей.

Цели статьи – с позиций социологии обосновать актуализацию в сфере высшего образования сложившихся традиционных ресурсных свойств доверия; зафиксировать появившиеся и спрогнозировать новые его качества в связи с переходом системы к нелинейной модели.

Методология и методика. Теоретико-эмпирическое исследование реализовано с опорой на положения и методологические принципы общественного и ресурсного подходов, а также теорию нелинейного развития общества. Работа выполнялась на основе микс-стратегии, сочетающей количественные и качественные методы, экспертный опрос, полуструктурированное интервью, фокус-группы, контент-анализ и метод вторичного анализа социологических данных.

Результаты и научная новизна. Впервые в теорию и социологию высшего образования вводятся понятия «старого» и «нового» доверия и дается их авторская интерпретация. Новизна состоит и в том, что феномен доверия рассмотрен не только в рамках «образовательной» проблематики, но и в широком контексте социальных и социокультурных трансформаций «текущего» общества постмодерна. Показаны мобилизационные возможности доверия для

конструктивного разрешения противоречий, существующих на уровнях институциональных и межобщностных отношений и взаимодействий в вузах.

Практическая значимость. Результаты исследования имеют значение не только для обогащения теории высшего образования и социального знания о нематериальных ресурсах его развития. Они важны для конструирования различных академических практик, направленных на использование ресурсных свойств доверия с целью развития социального и человеческого капитала вузовских общностей, а также разработки новых социальных технологий управления процессами формирования доверия в вузе.

Ключевые слова: «старое» и «новое» доверие в высшем образовании, вузы, ресурсные свойства доверия, кризис доверия в высшем образовании, студенты, научно-педагогическое сообщество, университетское управление, культура доверия.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования».

Для цитирования: Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Шаброва Н. В. «Старое» и «новое» доверие в высшем образовании // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 1. С. 9–36. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-9-36

“OLD” AND “NEW” TRUST IN HIGHER EDUCATION

P. A. Ambarova¹, G. E. Zborovsky², N. V. Shabrova³

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia.*

E-mail: ¹borges75@mail.ru; ²garoldzborovsky@gmail.com; ³urfu-stu@mail.ru

Abstract. Introduction. Today, the crisis of modern higher school and processes of its modernisation are followed by the crisis of institutional, inter-community and interpersonal trust, which has remained a fundamental basis of a high school system of vocational education for a very long time. The need to preserve trust as a fundamental basis and source of development of Russian higher education requires the study of its structural characteristics and understanding of the resource potential of trust by representatives of educational communities.

The *aim* of the research was the sociological substantiation of actualisation in higher education of the old resource properties of trust and the emergence of new ones associated with the prospects of transition to a non-linear model of higher education.

Methodology and research methods. The publication presents the results of theoretical and empirical sociological research, implemented with the use of theoretical positions and methodological principles of community and resource approaches, the theory of non-linear development of society. The empirical study

was conducted using a mix strategy based on a combination of quantitative and qualitative methods, expert interviews, semi-formalised interview, focus-groups, content analysis and the method of secondary analysis of sociological data.

Results and scientific novelty. The authors' interpretation of the phenomenon of "old" and "new" trust in Russian higher education is presented. The novelty of the authors' approach was to consider the problem of higher education not only within the framework of "educational" problems, but also in the broad context of social and socio-cultural changes, meaning the transition to a "liquid" postmodern society. The mobilisation possibilities for the constructive resolution of contradictions existing at the levels of institutional and inter-community relations and interactions in universities are shown.

Practical significance. The research results have a positive significance not only for enrichment of the theory of higher education and social knowledge of non-material resources of its development. They are important to design various academic practical experience oriented on the use of resource properties of trust with a view to developing the social and human capital of high school communities as well as to elaborate new social technologies for managing the processes of trust formation in the university.

Keywords: "old" and "new" trust in higher education, universities, resource properties of trust, crisis of trust in higher education, students, scientific and pedagogical community, university management, culture of trust.

Acknowledgements. The research was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-011-00158 "Trust as a Fundamental Problem of Russian Higher Education".

For citation: Ambarova P. A., Zborovsky G. E., Shabrova N. V. "Old" and "new" trust in higher education. *The Education and Science Journal*. 2019; 1 (21): 9–36. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-9-36

Введение

«Оставь надежду на доверие всяк входящий в мир текущей современности...» – так можно перефразировать строчку из известной книги Зигмунта Баумана, в которой речь идет о потере целостности мира [1, с. 29]. Слова Баумана справедливы в отношении не только разрушающейся общей целостности окружающий реалий, но и в отношении негативных трансформаций феномена доверия – своеобразного клея, скрепляющего социум и сдерживающего усиливающиеся процессы его фрагментации. Справедливы эти слова и применительно к высшему образованию (ВО) – социальному институту, сущностной характеристикой которого до сих пор являлись стабильность и целостность.

Стремительная динамика вынужденных изменений в российской высшей школе в сочетании с быстро меняющимся современным обществом и трудно прогнозируемым его будущим чрезвычайно обостряют проблему доверия. В ней, как в зеркале, начинают отражаться все явные и латентные противоречия, имеющиеся на высшей ступени образования, высвечиваются перспективные и тупиковые тренды его развития. Доверие, являющееся на протяжении очень продолжительного времени фундаментальным основанием ВО, становится хрупким и рискогенным, поскольку оно контекстуально – приобретает конкретные смысл, формы и характеристики в определенном типе системы. Полагаем, что можно говорить о кризисе доверия в ВО, точнее в той его модели, которая существует сегодня и, несмотря на бесчисленные попытки модернизации, продолжает оставаться архаичной, жесткой и линейно-авторитарной [2].

В предлагаемой вниманию статье мы попытались проанализировать возможности актуализации в высшей школе сложившихся традиционных ресурсных свойств доверия и перспективы появления у него новых качеств в связи с переходом к нелинейной модели системы.

Исследователи онтологических аспектов функционирования ВО, говоря о доверии, как правило, исходят из аксиомы о его незыблемости, укорененности и обязательности в вузовской среде [3–4]. Между тем в университетском пространстве уже сложились практики, которые либо вовсе игнорируют доверие как принцип взаимодействия, либо эксплуатируют его в целях, не имеющих никакого отношения к академическим ценностям и традициям [5–6]. Вследствие этого возникает вопрос о соотношении «старого» и «нового» видов доверия в высшей школе, способах их производства и наборе ресурсных свойств, присущих каждому его виду. Особо важным мы считаем обсуждение вопроса о становлении культуры «антидоверия» и вероятных последствиях ее укоренения в ВО.

Изучение указанных проблем проводилось нами с позиций социологии, которая, с одной стороны, позволяет интегрировать оценку объективных симптомов кризиса доверия в вузах и его субъективные интерпретации представителями научно-педагогического и студенческого сообществ, а также университетского менеджмента; с другой стороны, способна использовать междисциплинарную методологию – получить актуальное знание о доверии, востребованное в других науках: педагогике, культурологии, социальной психологии и др. Это знание составляет ядро новой концепции доверия в ВО, отвечающей вызовам социальной «текущести» и неопределенности.

Результаты исследования, которые будут изложены ниже, имеют значение не только для обогащения теории ВО и социального знания о не-

материальных ресурсах его развития. Они важны для конструирования различных академических практик, направленных на использование ресурсных свойств доверия с целью развития социального и человеческого капитала вузовских общностей, а также разработки новых социальных технологий управления процессами формирования доверия в вузе.

Обзор литературы

Методология исследования доверия в ВО базируется на концепциях Н. Лумана¹, Ф. Фукуямы [7], П. Штомпки [8] и А. Селигмена [9].

В контексте выявления ресурсных свойств «нового» доверия особенно значимы работы Н. Лумана, который рассматривал доверие как актуальный ресурс современного нестабильного, высокорискованного общества. Идеи Лумана получили развитие в совместной работе У. Бека, Э. Гидденса и С. Лэша, посвященной теории рефлексивной модернизации².

Интересна трактовка доверия как культурного ресурса П. Штомпки. Именно он ввел в научный оборот понятие культуры доверия, которая, по его мнению, позволяет минимизировать риски современного общества [8].

А. Селигмен понимал доверие как основу любых социальных отношений, выстраиваемых на долгосрочную перспективу [9].

На современном этапе заметную роль в социологической разработке проблем доверия в различных социальных контекстах сыграли труды таких авторов, как Р. Хардин, Э. Усланер, Р. Крамер и К. Кук, Ч. Тилли, М. Доган, Д. Гамбетта и Х. Хэмилл, Б. Ноутбум [10–16].

Существенное значение для изучения специфики доверительных отношений в ВО имеют появившиеся в разное время концепции взаимосвязи доверия и социального капитала. Их авторы – как зарубежные ученые (М. Грановеттер, К. Ньютон и С. Змерли, А. Портес) [17–19], так и отечественные исследователи (А. Т. Коньков, В. В. Радаев, П. М. Козырева, В. А. Давыденко, Ю. В. Латов, Г. С. Ромашкин, Н. В. Латова, С. Ю. Барсукова) [20–24], продемонстрировавшие позитивные социальные последствия высокого уровня доверия и его положительное влияние на развитие социального и человеческого капитала.

Особое место в научных публикациях занимает тема межличностного доверия между студентами и преподавателями вузов. В Европе и России она

¹ Luhman N. Vertrauen: Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. Stuttgart: Enke, 1968. 105 p.

² Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Cambridge: Polity Press, 1994. 225 p.

разрабатывается в несколько отличных направлениях, поскольку базовые условия становления и функционирования разных национальных образовательных систем и образовательных общностей не совпадают. Однако обзор теоретических и эмпирических исследований за рубежом [25–29] и у нас в стране [30–32] показывает устойчивое внимание к этой тематике, а результаты имеющихся изысканий независимо от территории, где они проводились, могут быть полезны для всех.

В меньшей степени зарубежных авторов занимают вопросы доверия между преподавателями и администрацией университетов, тогда как в российской социологии данный аспект взаимоотношений субъектов ВО представлен как острейшая институциональная проблема [33–35] в силу специфики управления высшей школой в нашем государстве.

Интерес вызывают работы А. Ф. Матушак, попытавшейся вскрыть структуру культуры доверия и ее особенности при взаимодействии участников образовательного процесса [36], и Е. В. Ревинной, которая обнаружила, что успешность межвузовского сетевого взаимодействия и партнерства университетов со стейкхолдерами определяется в первую очередь именно доверием [37].

Тем не менее, несмотря на солидный массив литературы, на наш взгляд, проблемы доверия в ВО остаются недостаточно актуализированными в социальных науках. В системе российской высшей школы это направление изысканий находится на начальном этапе становления и требует свежих концептуальных обоснований и эмпирического изучения в разрезе современных тенденций и изменений.

Материалы и методы

На основе авторской концепции доверия в ВО мы разработали эмпирическую методологию и методику исследования обсуждаемого конструкта, которые были ориентированы на выявление его содержания, условий формирования, ключевых ресурсных свойств и их интерпретацию в высшей школе. Для достижения поставленных задач использовалась качественная стратегия, реализованная в эмпирическом исследовании вузов Уральского федерального округа (УрФО) в 2018 г. Стратегия включала:

1) экспертный опрос, осуществленный методами полуструктурированного интервью (опрошены 23 эксперта – представители университетского менеджмента разного уровня) и экспертного фокусирования (2 фокус-группы с представителями профессорско-преподавательского состава уральских вузов);

2) фокус-группы со студентами (проведено 5 фокус-групп с учащимися уральских вузов);

3) традиционный анализ документов – нормативных и регулирующих образовательную, научную и воспитательную деятельность вузов УрФО;

4) анализ контента социальных сетей и форумов студентов и преподавателей, направленный на изучение специфики проявления и формирования доверительных отношений в виртуальной среде.

В ходе исследования выяснялись

- характер и основные проблемы внутриинституционального и общественного взаимодействия в вузах;
- факторы, обуславливающие формирование культуры доверия в высшей школе;
- возможности перевода доверия из проблемной зоны в ресурсную;
- объективная картина уровня доверия во взаимодействии университетского менеджмента и образовательных общностей преподавателей и студентов;
- зоны вузовских взаимоотношений и взаимодействий, базирующихся на доверии, но подвергшихся бюрократизации.

Результаты исследования

Для разработки эмпирической методологии и методики исследования ресурсных свойств доверия в ВО и последующего анализа полученных данных использовалась определенная теоретико-методологическая рамка. В связи с этим кратко представим теоретический дизайн нашего изыскания и использованные в нем методологические подходы.

Согласно положениям институционального и общественного подходов доверие – это принцип институциональных и межобщностных отношений в ВО. Институциональное доверие рассматривается как основанное на устойчивых ожиданиях отношении к институту ВО в целом, его структурам, организациям, нормам и идеологии со стороны тех, кто уже в него реально включен или собирается это сделать. Межобщностное доверие в ВО трактуется как социальное взаимоотношение образовательных общностей в вузах, ориентированное на достижение взаимно ожидаемых результатов во всех сферах совместно осуществляемой деятельности [38, с. 80].

Исходя из этого доверие понимается нами как важнейший ресурс развития социальных отношений и взаимодействий в ВО – внутри- и межинституциональных, внутри- и межобщностных, а также межличностных. Актуализация и мобилизация данного ресурса способны обеспечить конструктивные преобразования российского ВО, компенсировать его ресурсный дефицит, задать его развитию устойчивый позитивный вектор в условиях социальной неопределенности.

Таким образом, ресурсный подход, наряду с общественным, выступает важнейшим методологическим основанием нашей работы. Он позволя-

ет выявить механизмы формирования (накопления) доверия, определить и структурировать его ресурсные свойства, проанализировать способы его конвертации и инвестирования в социальный и человеческий капитал вузов и их образовательных общностей.

Особое значение для изучения поставленной проблемы имеют принципы теории нелинейного развития общества. Методология нелинейного анализа обладает объяснительными возможностями при исследовании эволюции феномена доверия в ВО и трансформации его ресурсных свойств в условиях нелинейных общественных изменений и растущей социальной неопределенности. Идеи нелинейного ВО, модель которого отвечает вызовам «текучей современности», на наш взгляд, весьма продуктивны для понимания феномена доверия в высшей школе.

Концепция нелинейной модели ВО была разработана и прошла экспертную апробацию на этапе нашего предыдущего исследовательского проекта¹. При его выполнении была обоснована связь возможностей практической реализации подобной модели с использованием новой ресурсности, центральными компонентами которой являются доверие, социальное время и сетевые связи субъектов ВО.

На этапе реализации проекта «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования», осуществляемом в настоящее время, был получен ряд следующих результатов.

1-й результат. Как сосуществует в вузах «старое» и «новое» доверие

Социологические исследования последних лет отчетливо свидетельствуют о кризисе доверия в современных университетах (в обзоре литературы названы авторы некоторых из этих работ). Мы диагностируем не просто кризис доверия, а кризис, вызванный переходом к новому типу доверия в ВО. В связи с этим объяснимся по поводу нашего понимания «старого» и «нового» доверия в высшей школе.

«Старое» доверие – это те социальные доверительные взаимоотношения и взаимодействия, которые сложились еще в советской высшей школе и по инерции продолжали существовать до начала 2000-х гг. – времени масштабной реформы системы ВО в России. Это те доверительные отношения, по которым ностальгирует научно-педагогическое сообщество, оставшиеся «запасы» которых эксплуатирует университетский менеджмент

¹ Проект «Формирование нелинейной модели высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности», поддержанный РФФИ (№ 16–18–10046). Результаты исследования размещены на портале проекта. Режим доступа: <http://ned.igup.urfu.ru/>.

и мифологизированные представления о котором сохраняются в сознании современной студенческой молодежи.

Внешним и внутренним «поставщиком» «старого» институционального доверия к ВО было государство. Именно оно формировало ожидания общества и вузовских образовательных общностей от самых разных видов институциональных взаимодействий в сфере ВО – начиная от обеспечения равного доступа к образовательным благам до гарантий социальной защищенности. Не случайно сегодня самым «провальным» видом доверия, по результатам нашего исследования, оказалось доверие к структурам управления ВО, отождествляемым с современным государством – правительством, министерством науки и высшего образования, региональными департаментами образования (таблица).

«Старое» доверие основывалось на способности государства не только продуцировать ожидания определенных результатов, благ, возможностей от пребывания в системе ВО, но и гарантировать их достижение. Существующее сегодня недоверие институту государства в целом с очевидностью экстраполируется и на институциональные структуры ВО. Об этом свидетельствуют высказывания наших информантов, например:

«Мы не доверяем образовательной политике, реализующейся в РФ в отношении высшей школы в настоящее время, так как не доверяем государственным органам вообще. И не важно, больница ли это или образовательное учреждение. Не доверяем, в том числе, из-за высокого уровня коррупции» (фрагмент высказывания из фокус-группы со студентами).

«Старое» межобщностное доверие в ВО базировалось также на незабываемости академических традиций, укорененных в университетской культуре. Еще одним его основанием были высокий авторитет и, в определенной степени, сакральность научного и образовательного знания, носителем которого позиционировалось научно-педагогическое сообщество. Представления о сущности доверия в ВО у наших информантов-студентов вполне укладываются в границы «старого» доверия:

«Доверие означает, что те знания, которые мы получаем в вузе, будут истинными... Есть ведь образование, за которое ты просто платишь, а знаний нет. А есть образование, которое дает знание. Именно ему я доверяю»;

«Доверие – это когда ты вышел из вуза, и работодатель доверяет тебе как специалисту, и, соответственно, он доверяет вузу, который дал тебе необходимые знания» (фрагменты высказываний из фокус-групп со студентами).

«Старое» межобщностное доверие в большей степени, чем институциональное, сохранилось в современных университетах, хотя и оно сегодня становится дефицитным ресурсом.

Преподаватели и студенты о доверии к образовательной политике, реализуемой в стране, вузе, и к субъектам образовательной деятельности, % от числа опрошенных (по строкам)¹

Teachers' and students' opinions on trust to the educational policy realised in the country, higher education institution and to members of educational activity, % of respondents (across the rows)

«Испытываете ли Вы доверие к...»	Преподаватели ²				Студенты ³			
	Скорее		Затрудняюсь ответить	Индекс доверия	Скорее		Затрудняюсь ответить	Индекс доверия
	«да»	«нет»			«да»	«нет»		
образовательной политике, реализуемой в РФ в отношении высшей школы	18,4	66,1	15,5	-0,5	27,0	34,5	38,5	-0,1
образовательной политике, реализуемой в вузе	36,4	38,9	24,7	-0,1	34,8	31,8	33,4	0,1
администрации вуза	47,1	33,5	19,4	0,1	40,8	29,6	29,6	0,1
преподавателям	85,4	5,9	8,7	0,8	74,6	14,8	10,6	0,6
студентам	75,4	9,6	15,0	0,7	74,1	17,6	8,3	0,6

* Индекс рассчитан как условная средняя по порядковой шкале; колеблется в границах от -1 до +1.

¹ В таблице приводятся результаты исследования, осуществленного авторским коллективом в 2017 г. и поддержанного РФФИ (проект № 16-18-10046). Подробнее см.: Шаброва Н. В. Проблема измерения доверия в сфере высшего образования // Социология образования. 2018. № 4. С. 79-91.

² У преподавателей помимо показателей, представленных в таблице, измерялся уровень доверия к региональной власти, ответственной за социальную политику в области высшего образования; министерству (департаменту) образования региона, ответственному за принятие управленческих решений по реформированию высшей школы; образовательной политике муниципальной власти; ученому совету вуза; наблюдательному (общественному) совету вуза; работодателям, которые связаны с вузом общими задачами подготовки молодых специалистов.

³ У студентов помимо показателей, представленных в таблице, измерялся уровень доверия к администрации факультета.

Условием формирования «старого» доверия в ВО была относительная стабильность социальных институтов и социальных отношений, сложившихся в его границах. Доверие – явление, имеющее темпоральную природу, поскольку оно представляет собой веру в осуществление в будущем ожиданий, сформировавшихся в прошлом или настоящем.

Кроме того, доверие – не одноразовая вещь, оно требует повторения, регулярности, постоянства. Именно эти характеристики воспроизводились в советских и в 1990-е гг. в постсоветских вузах. Но именно этих качеств сегодня лишена современная российская высшая школа.

В условиях социальной неопределенности институт ВО становится чрезвычайно нестабильным, а вузовские образовательные общности, несмотря на социальную инерцию, демонстрируют заметную динамику количественных и качественных характеристик. Если говорить об институциональных изменениях, то можно выделить несколько причин, вызвавших эти процессы.

Прежде всего, это нарушение институционального равновесия – исчезновение заинтересованности ключевых социальных акторов в сохранении существующей институциональной структуры высшего образования.

Другим источником выступает инновационная активность представителей высшей школы и ее технологический прогресс.

Важной причиной изменений являются и конфликты между институтами образования в целом (средним общим, средним профессиональным и высшим), а также между институтом ВО и другими социальными институтами (рыночными, управленческими, политическими).

Мы обращаем внимание на то, что высокая динамика в сфере ВО, проявившаяся вследствие целого комплекса социальных, политических, культурных, экономических причин, по-разному была отрефлексирована и «переварена» различными образовательными общностями. Но в любом случае она подорвала основу «старого» доверия. «Текущее» общество формирует мир не только одноразовых вещей, но и «одноразовых отношений, быстротечных знакомств и коротких связей, свойственных постмодерной культуре» [39, с. 19].

ВО в этом обществе перестало быть стабильным и целостным. В нем всё меньше места осталось для «старого» доверия – причем не только институционального, но и межобщностного и даже межличностного. «Старое» доверие принципиально не может возникнуть в системе онлайн-обучения, при интенсивной академической мобильности, в условиях сокращения цикла образовательных программ, при заключении одноразовых

трудовых контрактов и введении таких же одноразовых государственных образовательных стандартов.

Не все образовательные общности оказались готовы сохранить традиционные доверительные отношения в предлагаемых условиях. Наше исследование вскрыло, что определенная часть студенчества признает возможность учиться и эффективно взаимодействовать с преподавателями и администрацией вузов без опоры на «слепое доверие» или «доверие по традиции». Такие молодые люди вполне допускают вероятность взаимодействия «по правилам», что, по сути, является конвенциональным доверием, когда социальные субъекты целенаправленно договариваются придерживаться рационально выработанных норм и ожидают друг от друга их соблюдения. Однако, как оказалось, мало кто из них осведомлен о том, как быстро и по каким причинам меняются «правила игры» в современном ВО и конкретном вузе. Наши информанты-студенты отмечали:

«Доверие появляется тогда, когда все – и студенты, и преподаватели, и администрация вуза – придерживаются регламентов и правил. Только правила игры все время меняются. Тогда возникает недоверие, ты понимаешь, что что-то не так» (фрагмент высказывания из фокус-группы со студентами).

Кризис «старого» доверия в ВО усугубляется сохранением в нем жесткой модели университетского управления. Государство, отказавшись от патерналистской роли в отношении высшей школы и, соответственно, перестав быть «поставщиком» доверия в ней, тем не менее сохранило и усилило бюрократический надзор за ней. Проблема доверия в ВО в ходе интервью с преподавателями постоянно связывалась с бюрократизацией вузовских практик:

«Нужно доверять научному сообществу. Не ставить его в положение преступника, за которым надо следить, которого нужно жестко контролировать, подгонять. Есть профессиональная этика, профессиональная культура, профессиональная ответственность. И в научном сообществе все знают, кто чего стоит, у кого какой уровень и степень научной ответственности. Такое отношение обижает, демотивирует... Дискредитируется наука, ученые как профессиональная группа, управление системой высшего образования» (В. О., профессор).

Бюрократия допускает возможность только межличностного доверия, построенного на принципах личной лояльности, в то время как институциональное и межобщностное доверие заменяются системой формального контроля. Она (бюрократия) предполагает введение жесткой и тотальной системы регламентации и надзора практически по всем ви-

дам академической деятельности – научной, образовательной, воспитательной, общественной. Именно об этом свидетельствуют фрагменты высказываний наших информантов:

«Конечно, попытка государства сделать из ученых и преподавателей академических чиновников очевидна, но все больше это похоже на чиновничий маляк. Например, требуется справка о флюорографии, а в некоторых вузах – даже об отсутствии сифилиса. Будем изящно прикалывать ее поверх академического CV на трех языках. В нескольких вузах от преподавателей потребовали справки, что они не педофилы (!). В других потребовали пройти полный медосмотр, включая стоматолога» (А. А., доцент);

«...недоверие к ученым дошло до того, что в очередном отчете о научно-исследовательской работе к сведениям об участии в конференции надо приложить не только программу, но и свою фотографию на фоне конференции. Скоро, очевидно, потребуются акт экспертизы, не фальшивая ли это фотография...» (А. Ф., доцент).

Благоприятный сценарий развития анализируемого кризиса доверия видится следующим: постепенно изживающее себя «старое» доверие сменяется «новым», формируемым иными способами и по иным принципам. Однако фактор сверхбюрократизации современного ВО прерывает этот нормальный эволюционный процесс и в ответ на кризис «старого» доверия внедряет и культивирует в ВО культуру «антидоверия» (недоверия). Складывается ситуация, суть которой можно выразить фразой из анекдота: «Еще ничего не было, а уже ничего нет. Что же будет, когда ничего не будет?» «Новое» доверие еще не сформировалось, но его место уже «зачищено» и так плотно занято институционализированным «антидоверием», что позитивный прогноз становится маловероятным, по крайней мере, в ближайшее время.

2-й результат. Каким может быть «новое» доверие в высшем образовании

Социология выполняет не только критическую функцию, но и функцию науки позитивной, т. е. способной конструировать оптимистический сценарий развития ВО. С учетом этого раскроем содержание второго результата нашего исследования.

По мнению наших информантов, доверие в ВО нужно всегда, в любых отношениях и при любых обстоятельствах: *«Если мы, как студенты, не доверяем образовательной политике, это не значит, что мы не пойдем учиться. Здесь доверие не важно, а может, и не нужно. А вот между студентами и преподавателями доверие должно быть» (фрагмент высказывания из фокус-группы со студентами).*

Представители научно-педагогического сообщества также уверены в имплицитности доверия в высшей школе.

В поиске ответа на вопрос, каким может быть «новое» доверие в ВО, мы обратились к исследованиям феномена доверия в современном обществе в целом и соотнесли их содержание с результатами собственного эмпирического изыскания.

По мнению Э. Панеях, современное российское общество, нуждаясь в восстановлении «социальной ткани» и социального капитала, изобретает новые способы «производства» доверия. Эту функцию выполняют «институты менее обезличенные, сетевые, дистанционные, но при этом способные хранить память о репутации конкретного игрока, а не только обеспечивать предсказуемость каждого за счет насильственного нормирования поведения» [40]. Речь идет о социальных институтах, которые, адаптируясь к «текущей современности», стали более гибкими, адаптивными, эмансипированными и разнообразными.

«Текущая» современность несет не только угрозу стабильности и целостности ВО, но и открывает для него новые возможности. Они связаны с плюралистичностью и сетевизацией социальных отношений и взаимодействий в высшей школе, мобилизацией ее нематериальных ресурсов при дефиците материальных и финансовых, усилением флексибельности всех ее институтов и подсистем. На эти возможности ориентирована разработанная нами нелинейная модель ВО¹. Ее структурным ядром выступают сетевые взаимодействия вузов и образовательных общностей. Фундаментальным принципом ее построения и функционирования является уплощение всех вертикальных структур и внедрение партисипаторного управления. Ресурсная база и гибкость нелинейного образования обеспечиваются принципиальной открытостью внешней среде, с которой возможен обмен всеми видами ресурсов.

Ориентируясь на ключевые характеристики нелинейной модели ВО, раскроем возможные способы «производства» «нового» доверия в ней. «Поставщиками» и гарантами его выступают, прежде всего, сами вузы и вузовские образовательные общности – в той мере, в какой они обладают свободой, ресурсами и другими возможностями обеспечивать обещанные обществу (студентам, их родителям, работодателям) и ожидаемые им блага. В этом смысле «новое» доверие не может быть навязанным. Оно, как природный иммунитет, «выращивается» в системе органичных, тес-

¹ Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 336 с.

ных взаимодействий (меж- и внутриинституциональных, меж- и внутриобщественных) и строится на *реальных взаимных ожиданиях* индивидов и социальных общностей, включенных в эти отношения.

Обязательным условием формирования «нового» доверия является транспарентность и информационная открытость высшей школы. Здесь не работает линейный принцип: больше / меньше знаю – больше / меньше доверяю. Связь названного условия и доверия опосредована понятием ответственности. Чем более прозрачными становятся взаимоотношения и взаимодействия, тем выше уровень взаимной ответственности у всех субъектов университетской жизни. Наши информанты-студенты очень просто формулировали в интервью действие этого условия:

«У нас есть преподаватели, которые рассказывают о себе, и есть те, которые пришли, по предмету рассказали... и ушли. И если сравнить тех и других, то мое доверие к тем, которые более открыты, пытаются рассказывать и обсуждать с нами разные вопросы, будет выше. Я буду прислушиваться к их мнению» (фрагмент высказывания из фокус-группы со студентами).

Наше исследование показало, что транспарентность и информационная открытость – альфа и омега отношений образовательных общностей. Они играют важную роль в установлении доверия как на первом этапе – вхождении студентов в университетское сообщество, так и в последующие периоды вплоть до момента вступления в профессию после окончания вуза:

«Уровень информированности напрямую влияет: нельзя же слепо доверять кому-то или чему-то... Чем больше информации, тем больше возможностей проанализировать ситуацию»;

«Чтоб уровень доверия повысился, информация должна быть положительной. Но вместе с тем она должна соответствовать действительности. Если мы узнаем, что эта (даже положительная) информация – неправда, то уровень доверия к ее источнику падает. Эта информация должна совпадать с нашими ожиданиями»;

«Если бы обнаружили то, как решаются те вопросы и проблемы, которые мы поднимаем на встречах с администрацией, то уровень доверия к ней возрос бы» (фрагменты высказываний из фокус-группы со студентами).

Еще одним способом «производства» «нового» доверия выступает, на наш взгляд, выработка новых и укрепление старых форм совместной деятельности. «Текущее» общество неизбежно порождает фрагментацию и усиливает одноразовость университетских практик, тем самым снимая

практически с каждого субъекта высшего образования какие-либо долгосрочные обязательства – основу формирования доверия:

«Трудно всем доверять. Доверяешь, как правило, тем, кто помогает тебе. Нет, преподаватели помогают, но редко. Таких случаев, чтоб преподаватель сам подошел и сказал: “Может, Вам чем-нибудь помочь?», у меня никогда не было» (фрагмент высказывания из фокус-группы со студентами).

Ничего иного, кроме как совместной деятельности, в противовес фрагментации и конкуренции «текучее» общество предложить не может. Следовательно, ВО необходимы новые формы совместной деятельности и взаимодействия и новые пространства для ее осуществления, соответствующие постмодернистскому формату происходящих социальных изменений.

Кризис доверия – это выражение кризиса совместного существования в системе ВО [41]. Не случайно очень трудно, с пробуксовкой идет формирование сетевого взаимодействия между вузами на всех уровнях – локальном, региональном, национальном, международном. В качестве доказательства приведем отрывок из экспертного интервью:

«Допустим, вы отправите студента учиться на семестр в Томск... Если у вас более или менее согласованы образовательные программы, то вы просто скажете: “Студент эту дисциплину прослушал в Томске...” Но тут сразу ревности возникают: а откуда мы знаем, как учил? каково качество чтения дисциплины там? То есть встает вопрос доверия: мы доверяем Томску, они доверяют нам?» (А. И., профессор).

И недаром фиксируется высокий уровень имитационности в осуществлении различных проектов, связанных с установлением партнерских связей на всех уровнях системы образования и внутри ВО.

Из этого следует вывод о том, что обязательным условием формирования «нового» доверия является расширение в ВО диапазона *форм и пространства совместной деятельности* всех субъектов. Это может обеспечить возможности для взаимных обещаний и ожиданий, соучастие в принятии решений и достижении результатов образовательной и научной деятельности, разделение ответственности за них в равной степени между всеми образовательными общностями.

В сочетании с транспарентностью реальная совместная деятельность снизит уровень имитационности современного ВО. Анализ материалов интервью показал, насколько деструктивно влияют на установление доверительных отношений образовательные и научные симулякры. Очевидно, что имитации в высшей школе не совместимы с доверием. Между тем вузовские симулякры – следствие не только объективных процессов

ускоренной динамики ВО, но и давления жесткой, линейной, бюрократизированной системы управления им.

В социологии проблема имитации форм и функций образовательной, научной и управленческой деятельности в образовательных учреждениях впервые была поставлена Ю. В. Латовым и Г. А. Ключаревым [42]. Они проанализировали симуляцию обучения в некоторых российских вузах и феномен «торговли» дипломами о ВО, а также диссертациями.

В начале 2010-х гг. Г. З. Ефимова и М. Н. Кичерова классифицировали различные формы академического мошенничества [43]. Однако сегодня появляются все новые их виды – симулякры образовательного законодательства, сетевых форм образовательной деятельности, академической мобильности, аспирантуры, дистанционного образования, настоятельно требующие научного осмысления и практических мер.

Мы выделяем симулякры в высшей школе как один из главных барьеров на пути установления «нового» доверия в вузе, поскольку расцениваем его в качестве «чистого» антипода доверию. Опасность укоренения образовательных симулякров заключается в том, что они зачастую становятся не дублирующими, а основными структурами научной и образовательной деятельности в вузе. Образовательные общности, столкнувшись с имитационными практиками, очень четко идентифицируют их и, соответственно, снижают уровень доверия к структурам, группам, практикам, их производящим.

Еще один тезис, который мы можем сформулировать на основе результатов проведенного исследования, связан с пространственными характеристиками «нового» доверия. В «текучем» обществе доверие диссеминирует туда, где только могут оставить «следы» субъекты ВО. Оно не может ограничиться только вузовской сферой и сферой ближайшего окружения (стейкхолдерами и родителями) и заходит далеко в публичное пространство, виртуальные социальные сети, сферу разнообразных социокультурных, экономических, политических практик и др. Вместе с плюрализацией пространства ВО будет происходить и плюрализация способов существования и распространения доверия.

Это принципиальное отличие «нового» доверия от «старого». Социальные сети горизонтальны и с трудом поддаются директивному управлению. Они легко идентифицируют и сохраняют истинное доверие и так же легко продуцируют фейковое. В связи с этим в будущем мы встретимся не только с проблемой повышения / понижения доверия, но и с необходимостью регулирования сетевого доверия.

Таким образом, сравнительный анализ «старого» и «нового» доверия позволяет определить сущность последнего через его ключевые характе-

ристики. «Новое» доверие в ВО – это особый тип доверительных отношений, которые в условиях социальной неопределенности и «текучести» общества характеризуются неустойчивостью, «хрупкостью» и мозаичностью.

«Новое» доверие имеет нелинейную динамику, отражающую разрывы между его институциональным, общностным и межличностным уровнями и флуктуационный характер изменений доверительных отношений, складывающихся на каждом из этих уровней. Сущностным свойством «нового» доверия становится его плюралистичность, выраженная в многообразии субъектов и объектов доверия, способов его производства, воспроизводства и распространения, форм существования. Особым образом природу «нового» доверия и его отличия от «старого» характеризуют ресурсные свойства, к рассмотрению которых мы обратимся далее.

3-й результат. Ресурсные свойства «нового» и «старого» доверия

Ресурсные свойства доверия представляют собой качественные и количественные характеристики доверительных отношений, которые могут быть использованы субъектами ВО для достижения тех или иных целей. Они проявляются на институциональном и общностном уровнях. В ходе нашего исследования мы попытались выделить ресурсные свойства «старого» доверия и спрогнозировать ресурсные свойства «нового» доверия в ВО.

К количественным свойствам доверия, безусловно, относится объем его запаса. Именно он чаще всего замеряется в социологических исследованиях с помощью различных шкал, индексов, выражающих уровень или степень доверия к тем или иным институциональным и организационным структурам ВО, образовательным общностям, качеству образовательных программ, научному знанию и т. д. Выше в таблице мы разместили данные, иллюстрирующие «запасы» институционального «старого» доверия в ВО у студентов и преподавателей вузов. Понятно, что по этому критерию можно проследить динамику «старого» доверия, сопоставить его с «новым», сделать иные статистические замеры и выводы. Однако эта проблема заслуживает отдельного разговора. В рамках настоящей статьи нам хотелось бы обратить внимание на качественные характеристики «старого» и «нового» доверия, по которым можно было бы прогнозировать какие-либо качественные изменения в социальных взаимоотношениях и взаимодействиях в высшей школе.

Первое ресурсное свойство доверия в высшем образовании – это его *устойчивость*, способность сохраняться длительное время. Очевидно, что «старое» доверие обладает этим свойством в большей степени, чем «но-

вое». Наши информанты из числа выпускников уральских вузов отмечали, что хотели бы видеть своих детей студентами тех же вузов, в которых учились сами, потому что они доверяют альма-матер, помнят преподавателей и высокое качество образования. Респонденты из числа студентов также отметили, что доверяли вузу, который выбрали в силу оценок своих родителей. «Старое» доверие, таким образом, устойчиво транслируется из поколения в поколение через людей, учившихся в тех или иных вузах.

«Новое» доверие транслируется сетевым образом, что означает разные источники информации, разное ее качество и разную скорость изменения контента. Опять-таки перефразировав З. Баумана, можно назвать это ресурсное свойство «чарующей легкостью доверия» [1, с. 129].

Любой вид доверия требует временных инвестиций. По мнению одного из наших информантов, *«доверие испокон веков было ценной вещью, потому что доверие очень трудно заработать и очень легко потерять»* (В. З., профессор).

Однако «новое» доверие, в отличие от «старого», «выветривается» не-удержимо быстрее.

В этом плане иллюстративен кейс одного из уральских вузов, который приводили студенты во всех фокус-группах:

«Этот вуз у абитуриентов не особо котируется, потому что все знают, какая там политика. Коррупция, если у нас и есть, то мы об этом не знаем, а в том вузе в открытую. Нам известно, что там покупают справки по физкультуре, платят за зачеты. Чуть ли не касса есть. Я послушала отзывы, почитала в соцсетях. Соответственно, у меня уровень доверия падает и к самому вузу, и к его преподавателям, хотя, я думаю, там тоже есть хорошие преподаватели...»;

«У этого вуза только дурная слава... Он очень коррумпированный. Сессии покупают. Хотя и говорят, что это раньше было и сейчас такого нет, но осадочек-то остался...» (фрагменты высказывания из фокус-группы со студентами).

Следующее свойство доверия – его *способность конвертироваться в иные ресурсы и блага*, в том числе экономические, социальные, политические или культурные. Современный университетский менеджмент мыслит, на наш взгляд, категорией «старого» доверия, поскольку связывает его конвертацию с университетским брендингом. Но брендинг – ничто, когда средой диссеминации доверия в ВО являются социальные сети и виртуальные сообщества студентов, выпускников, преподавателей, партнеров и стейкхолдеров. Информационные сообщения на тему «доверяю / не доверяю», «стоит / не стоит доверять» работают быстрее и убедитель-

нее любой информационно-брендинговой политики вуза. «Новое» доверие, в отличие от старого, конвертируется в более широкий спектр благ, значимых для университетов с их диверсифицированной миссией, и конвертация эта связана не с имиджем и брендом, а действительной репутацией вуза и конкретных его представителей. Приведем в этой связи отрывок из экспертного интервью:

«Одни вузы вкладываются в качество образования, а другие вкладывается в рекламу, а качество отходит на второй план. Вот пример вуза [называет вуз]. Он не занимается особо рекламой, но качество образования, оснащенность аудиторий и общежитий в нем лучше, если сравнить с другими вузами, которые себя активно рекламируют» (фрагмент высказывания из фокус-группы со студентами).

Такое важное ресурсное свойство доверия, как способность к инвестированию, скорее всего, объединяет «старое» доверие с «новым». Однако спектр инвестиций у «нового» доверия шире. Это не только лояльность абитуриентов или партнеров вуза, солидарность образовательных общностей, возможность давать обещания образовательных благ «в кредит». Хотя перечисленное является самыми понятными на индивидуальном уровне объектами инвестирования:

«Доверие выступает скрытым ресурсом, который впоследствии (в будущем) может быть использован для решения каких-то проблем. Например, исходя из собственного опыта, я доверяю работникам деканата, потому что они помогли мне в решении моих проблем и, если они попросят меня о чем-то, то я тоже пойду им навстречу, чем-то помогу» (А. К., доцент).

Формирование «нового» доверия – это, по сути, новый инвестиционный проект по решению тех проблем ВО, которые не может сегодня решить авторитарно-линейное управление им. Среди этих проблем – модернизация ВО и изменение его качества, не обеспеченные финансовыми ресурсами; формирование продуктивной мотивации на образование у студентов и профессиональной – у научно-педагогических работников; ускорение институциональных и организационных изменений путем снижения нормативно-правовых, финансовых, временных издержек на директивные меры стимулирования преобразований.

Заключение

Цель нашей статьи мы связали с социологическим обоснованием кризиса доверительных отношений в ВО, обусловленного переходом от «старого» доверия к «новому». Ситуация перехода всегда характеризуется нормативной неопределенностью и ценностной аномией. Преодоление этого кризиса

мы видим не в однозначном разрешении конфликта двух видов доверия в пользу того или другого, а в использовании данной микс-ситуации для выбора способа наиболее мягкого и безболезненного преодоления российским ВО трансформационного «тупика». В связи с этим в заключение статьи представим для дальнейшего обсуждения три тезиса.

Первый тезис – о степени рискогенности каждого вида доверия и способах ее минимизации. Анализ способа производства, распространения, функционирования, ресурсных свойств «нового» доверия убеждает, казалось бы, в его опасной природе. Между тем он рационализируют и в каком-то смысле очищают социальные взаимоотношения и взаимодействия в ВО. Вопрос состоит в том, как найти баланс между позитивным и негативным векторами влияния «нового» доверия на развитие ВО, как управлять рисками, сопряженными с «новым» доверием. Кроме того, важно найти решение проблемы фрагментации академического сообщества и в реальной практике объединить тех, кто будет исповедовать «старое» доверие, с теми, кто будет культивировать «новое».

Второй тезис – о способах актуализации ресурсных свойств «старого» доверия, таких как устойчивость и однозначность, в противовес однообразности и неопределенности как негативным идентификаторам «текучего» общества. Вопрос можно сформулировать так: может ли ВО как институт со специфической функцией соединения прошлого и будущего, традиции и инновации исключить или, по крайней мере, свести к минимуму названные признаки общества постмодерна как раз за счет формирования устойчивых институтов и практик доверия? Если да, то какими будут эти новые «старые» институты и практики доверия и как их можно формировать?

Третий тезис – о культуре доверия в высшей школе. Культура выступает качественной характеристикой сознания и поведения людей. Значит, вопрос о доверии как в научном дискурсе, так и в практическом анализе проблемы должен звучать так: не сколько доверия мы имеем, а какого качества оно и можем ли мы обеспечить это качество. Культура доверия – «старого» ли, «нового» ли – лучше всего формирует и закрепляет ценностные образцы и поведенческие паттерны доверительного поведения, независимо от того, «твердым» или «текучим» является наше общество.

Список использованных источников

1. Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.
2. Шуклина Е. А., Певная М. В. Доверие как институциональная проблема высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 5. С. 120–131. DOI: 10.15826/umpra.2017.05.068.

3. Ардашкин И. Б. Ценности современного образования как фактор развития: мировые тенденции и перспективы России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 60–67.
4. Горина Т. С. Теоретические установки изучения доверия в образовательной среде // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (ч. 8). С. 1845–1851.
5. Курбатова М. В., Каган Е. С. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8. № 3. С. 116–136. DOI: 10.17835/2076–6297.2016.8.3.116–136.
6. Ульяновский А. В., Преображенская К. В. Бренд вуза в контексте брендов веры, доверия, ценности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 2. № 3. С. 233–240.
7. Фукуяма Ф. Социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: АСТ, 2006. 730 с.
8. Штомпка П. Доверие – основа общества. Москва: Логос, 2016. 440 с.
9. Селигмен А. Проблема доверия. Москва: Идея-Пресс, 2002. 200 с.
10. Hardin R. Trust and Trustworthiness. New York: Russell Sage Foundation, 2002. 256 p.
11. Uslaner E. The Moral Foundations of Trust. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
12. Kramer R., Cooc K. Trust and Distrust in Organizations. New York: Russell Sage Foundation, 2004. 393 p.
13. Tilly C. Trust and Rule. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 196 p.
14. Dogan M. Political Mistrust and Discrediting of Politicians. Leiden: Brill, 2005. 264 p.
15. Gambetta D., Hamill H. Streetwise: How Taxi Drivers Establish Their Customer's Trustworthiness. New York: Russell Sage Foundation, 2005. 257 p.
16. Noteboom B. Trust: forms, foundations, functions, failures and figures. Cheltenham: Edward Elgar, 2002. 231 p.
17. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. № 4. С. 31–50.
18. Newton K., Zmerli S. Three forms of Trust and their Association // European Political Science Review. 2011. Vol. 3. № 2. P. 1–32. DOI: 10.1017/S1755773910000330.
19. Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.
20. Коньков А. Т. Социальный капитал в современной социологии. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006. 223 с.
21. Радаев В. В. Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. 2008. № 2. С. 47–54.
22. Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.

23. Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н. В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2009. Т. 1. № 1. С. 20–35.
24. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. Москва: ГУ ВШЭ, 2004. 448 с.
25. Zanin L. Education and life satisfaction in relation to the probability of social trust: a conceptual framework and empirical analysis // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 132, № 2. P. 925–947. DOI: 10.1007/s11205-016-1322-5
26. Hendry G. D., Hyde S. J., Davy P. Independent student study groups // *Medical Education*. 2005. Vol. 39, № 7. P. 672–679. DOI: 10.1111/j.1365-2929.2005.02199.x.
27. Werder C., Skogsberg E. Trusting Dialogue for Engaging Students // *Student Engagement Handbook: practice in higher education*. Bingley: Emerald Group, 2013. P. 133–144.
28. Malin J. R., Hackmann D. G. Mentoring as Socialization for the Educational Leadership Professoriate: A Collaborative Autoethnography // *Mentoring & Tutoring*. 2016. Vol. 24, № 2. P. 158–178. DOI: 10.1080/13611267.2016.1170561.
29. Blumberga S., Lasmane A. The epistemic authority as students development coordinate // 6th Annual International Scientific Conference on Rural Environment Education Personality (REEP, Jelgava, Latvia, Mar 20–21, 2013). Vol. 6. P. 285–291.
30. Вольчик В. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д. Реформы в сфере высшего образования: роль институтов и социального капитала // *Journal of Institutional Studies*. 2016. Т. 8. № 2. С. 87–104. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.2.087-104.
31. Колпина Л. В., Реутов Н. Н., Третьякова Л. А. Социальное доверие в системе высшего образования Белгородской области: эмпирический анализ // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 6. С. 25–32.
32. Горина Т. С., Калашникова Н. А. Роль коллективного признания в формировании доверия к институту образования // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 7. Философия. 2014. № 4. С. 36–41.
33. Курбатова М. В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // *Мир России: Социология, этнология*. 2016. Т 25. № 4. С. 59–86.
34. Балацкий Е. В. Управленческие парадоксы реформы в университетском секторе // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2015. № 2. С. 124–149.
35. Абрамов Р. Н. Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие // *Социологические исследования*. 2011. № 7. С. 37–47.
36. Матушак А. Ф. Прогнозирование культуры доверия участников образовательного процесса в высшем профессиональном образовании // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2015. Вып. 5. С. 120–125.
37. Ревина Е. В. О доверии к высшему образованию: экономический взгляд на проблему // *Управление экономическими системами*. 2015. № 11

[Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://uecs.ru/marketing/item/3810-2015-11-19-11-40-46> (дата обращения: 23.11.2018).

38. Зборовский Г. Е. Понятие и структура доверия в высшем образовании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 78–84.

39. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 14–24.

40. Панеях Э. Отмирание государства. Российское общество между пост-модерном и архаикой [Электрон. ресурс] (30.11.2018). Режим доступа: <https://www.inliberty.ru/article/modern-rogov/> (дата обращения: 15.11.2018).

41. Зборовский Г. Е. Можно ли быть вместе, находясь врозь: студенты и преподаватели в вузе // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 49–58. DOI: 10.31857/S013216250001958-6.

42. Латов Ю. В., Ключарев Г. А. Неформальные «правила игры» в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 31–42.

43. Ефимова Г. З., Кичерова М. Н. Анализ причин академического мошенничества и их классификация // Науковедение. 2012. № 4. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-akademicheskogo-moshennichestva-i-ih-klassifikatsiya> (дата обращения: 01.12.2018).

References

1. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' = The liquid modernity. St.-Petersburg: Publishing House Piter; 2008. 240 p. (In Russ.)

2. Shuklina E. A., Pevnaya M. V. Trust as an institutional problem of higher education. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = The Journal University Management: Practice and Analysis*. 2017; 5: 120–131. DOI: 10.15826/umpa.2017.05.068 (In Russ.)

3. Ardashkin I. B. Values of modern education as a factor of development: Global trends and prospects of Russia. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Tomsk State University Journal*. 2014; 384: 60–67. DOI: 10.17223/15617793/384/11 (In Russ.)

4. Gorina T. S. Theoretical bases of the study of trust in the educational environment. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Studies*. 2014; 11: 1845–1851. (In Russ.)

5. Kurbatova M. V., Kagan E. S. Opportunism of university lecturers as a way to adaptate the external control activities strengthening. *Journal institucional'nyh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*. 2016; 8 (3): 116–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136 (In Russ.)

6. Ul'yanovskij A. V., Preobrazhenskaya K. V. University brand in the context of brands of faith, trust, value. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A. S. Pushkina = Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2014; 2 (3): 233–240. (In Russ.)

7. Fukujama F. Social'nye dobrodeteli i put' k процветанию = Social virtues and the path to prosperity. Moscow: Publishing House AST; 2004. 730 p. (In Russ.)

8. Shtompka P. *Doverie – osnova obshhestva = Trust is the foundation of society*. Moscow: Publishing House Logos; 2016. 440 p. (In Russ.)
9. Seligmen A. *Problema doverija = The problem of trust*. Moscow: Publishing House Ideja-Press; 2002. 200 p. (In Russ.)
10. Hardin R. *Trust and trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation; 2002. 256 p.
11. Uslaner E. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 298 p.
12. Kramer R., Cooc K. *Trust and distrust in organisations*. New York: Russell Sage Foundation; 2004. 393 p.
13. Tilly C. *Trust and Rule*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 196 p.
14. Dogan M. *Political mistrust and discrediting of politicians*. Leiden: Brill; 2005. 264 p.
15. Gambetta D., Hamill H. *Streetwise: How taxi drivers establish their customer's trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation; 2005. 257 p.
16. Noteboom B. *Trust: Forms, foundations, functions, failures and figures*. Cheltenham: Edward Elgar; 2002. 231 p.
17. Granovetter M. *The Strength of weak ties*. *Ekonomicheskaya sociologiya = Economic Sociology*. 2009; 4: 31–50. (In Russ.)
18. Newton K., Zmerli S. *Three forms of trust and their association*. *European Political Science Review*. 2011; 3 (2): 1–32. DOI: 10.1017/S1755773910000330.
19. Portes A. *Social capital: Its origins and application in modern sociology*. *Annual Review of Sociology*. 1998; 24: 1–24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.
20. Kon'kov A. T. *Social'nyj kapital v sovremennoj sociologii = Social capital in modern sociology*. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinsk State University; 2006. 223 p. (In Russ.)
21. Radaev V. V. *Market as interlacing of social networks*. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*. 2008; 2: 47–54. (In Russ.)
22. Kozyreva P. M. *Interpersonal trust in the context of social capital formation*. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2009; 1: 43–54. (In Russ.)
23. Sasaki M., Davydenko V. A., Latov Yu. V., Romashkin G. S., Lato-va N. V. *Problems and paradoxes of the analysis of institutional trust as an element of social capital of modern Russia*. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij = Journal of Institutional Studies*. 2009; 1 (1): 20–35. (In Russ.)
24. Barsukova S. Yu. *Neformal'naja jekonomika: jekonomiko-sociologicheskij analiz = Informal economy: Economic and sociological analysis*. Moscow: Higher School of Economics; 2004. 448 p. (In Russ.)
25. Zanin L. *Education and life satisfaction in relation to the probability of social trust: A conceptual framework and empirical analysis*. *Social Indicators Research*. 2017; 132 (2): 925–947. DOI: 10.1007/s11205–016–1322–5
26. Hendry G. D., Hyde S. J., Davy P. *Independent student study groups*. *Medical Education*. 2005; 39 (7): 672–679. DOI: 10.1111/j.1365–2929.2005.02199.x

27. Werder C., Skogsberg E. Trusting dialogue for engaging students. In: Student engagement handbook: Practice in higher education. Bingley: Emerald Group; 2013. p. 133–144.

28. Malin J. R., Hackmann D. G. Mentoring as socialisation for the educational leadership professoriate: a collaborative autoethnography. *Mentoring & Tutoring*. 2016; 24 (2): 158–178. DOI: 10.1080/13611267.2016.1170561

29. Blumberga S., Lasmane A. The epistemic authority as students development coordinate. In: *Proceedings of 6th Annual International Scientific Conference on Rural Environment Education Personality, REEP2013*; 2013 Mar 20–21; Jelgava, Latvia. Vol. 6. Latvia; 2013. p. 285–291.

30. Volchik V., Krivosheeva-Medyantseva D. Perceptions of higher education reforms in Russia: The role of institutions and social capital. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij = Journal of Institutional Studies*. 2016; 8 (2): 87–104. DOI: 10.17835/2076–6297.2016.8.2.087–104 (In Russ.)

31. Kolpina L. V., Reutov N. N., Tretyakova L. A. The social trust in the system of higher education in Belgorod region: An empirical analysis. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika = Regional Economy: Theory and Practice*. 2016; 6: 25–32. (In Russ.)

32. Gorina T. S., Kalashnikova N. A. The role of collective recognition in the formation of trust in the Institute of education. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. 7. Filosofiya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 7. Philosophy*. 2014; 4: 36–41. (In Russ.)

33. Kurbatova M. Higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy: the content and the outcomes. *Mir Rossii: Sociologiya, ehnologiya = World of Russia: Sociology and Ethnology*. 2016; 25 (4): 59–86. (In Russ.)

34. Balatsky E. V. Managerial paradoxes of reform in Russian university sector. *Zhurnal novaya ekonomicheskaya assotsiatsiya = Journal of the New Economic Association*. 2015; 2: 124–149. (In Russ.)

35. Abramov R. N. Managerialism and the academic profession. Conflict and interaction. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2011; 7: 37–47. (In Russ.)

36. Matushak A. F. Forecasting the culture of trust of participants in the educational process in higher professional education. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*. 2015; 5: 120–125. (In Russ.)

37. Revina E. V. On trust in higher education: An economic perspective on the problem. *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami = Management of Economic Systems* [Internet]. 2015 [cited 2018 Nov 23]; 11. Available from: <http://uecs.ru/marketing/item/3810–2015–11–19–11–40–46> (In Russ.)

38. Zborovsky G. E. The concept and structure of trust in higher education. *Vestnik Surgutskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta = Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2018; 2: 78–84. (In Russ.)

39. Emelin V. A., Tkhostov A. Sh. Deformation of the chronotope in the socio-cultural conditions of accelerating. *Voprosy of Filosofii = Issues of Philosophy*. 2015; 2: 14–24. (In Russ.)

40. Paneyakh E. Otmiranie gosudarstva. Rossijskoe obshhestvo mezhdru postmodernom i arhaikoj = The withering away of the state. Russian society between postmodern and archaic [Internet]. 30.11.2018 [cited 2018 Nov 15]. Available from: <https://www.inliberty.ru/article/modern-rogov/> (In Russ.)

41. Zborovsky G. E. Is it Possible to be together, being apart students and teachers at the university. *Sociologicheskie issledovaniya* = *Sociological Research*. 2018; 9: 49–58. DOI: 10.31857/S013216250001958–6 (In Russ.)

42. Latov Yu. V., Klyucharev G. A. Informal “rules of the game” in the educational system: Simulation education, simulacra and brokers of knowledge. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = *Social Sciences and Modernity*. 2015; 2: 31–42. (In Russ.)

43. Efimova G. Z. & Kucheroва M. N. Analysis of the causes of academic fraud and their classification. *Naukovedenie* = *Scientology* [Internet]. 2012 [cited 2018 Dec 01]; 4. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-akademicheskogo-moshennichestva-i-ih-klassifikatsiya> (In Russ.)

Информация об авторах:

Амбарова Полина Анатольевна – доктор социологических наук; профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3613-4003>, Researcher ID: R-6839–2016; Scopus Author ID: 56766006000; Екатеринбург, Россия. E-mail: borges75@mail.ru

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук; заслуженный деятель науки РФ; профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8153-0561>; Researcher ID: E-6142–2014; Scopus Author ID: 6505899907; Екатеринбург, Россия. E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Шаброва Нина Васильевна – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина; Екатеринбург, Россия. E-mail: urfu-stu@mail.ru

Вклад соавторов:

П. А. Амбарова – подготовка первоначального варианта текста; анализ эмпирических данных; осуществление критического анализа и доработка текста; работа над библиографией; оформление текста.

Г. Е. Зборовский – научное руководство исследованием; разработка методологии исследования; осуществление критического анализа.

Н. В. Шаброва – проведение эмпирического исследования; анализ эмпирических данных; подготовка обзора литературы и раздела «Материалы и методы».

Статья поступила в редакцию 29.09.2018; принята в печать 19.12.2018.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Polina A. Ambarova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3613-4003>, Researcher ID: R-6839-2016; Scopus Author ID: 56766006000; Ekaterinburg, Russia. E-mail: borges75@mail.ru

Garold E. Zborovsky – Doctor of Philosophical Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor-Researcher, Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8153-0561>; Researcher ID: E-6142-2014; Scopus Author ID: 6505899907; Ekaterinburg, Russia. E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Nina V. Shabrova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. E-mail: urfu-stu@mail.ru

Contribution of the authors:

Polina A. Ambarova – writing the draft; analysis of empirical data; implementation of critical analysis and revision of the text; critical analysing and final editing; compilation of bibliography; text design.

Harold E. Zborovsky – scientific supervision of the research; elaboration of research methodology; implementation of critical analysis.

Nina V. Shabrova – conducting empirical research; analysis of empirical data; writing the literature review and section “Materials and Methods”.

Received 29.09.2018; accepted for publication 19.12.2018.

The authors have read and approved the final manuscript.